

ФРАНСУАЗА САГАН

ФРАНСУАЗА САГАН

Слезинки в красном вине

МОСКВА
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С13

Françoise Sagan

Musique de scènes

© Editions Stock, 2011. The first edition of this work was published
in 1981 by Editions Flammarion

Серия «Pocketbook»

Оформление *А. Саукова*

Фотография на обложке: © Edouard BOUBAT /
Gamma-Rapho / Gettyimages.ru

Серия «100 главных книг (обложка)»

Оформление *Н. Ярусовой*

Саган, Франсуаза.

С13

Слезинки в красном вине : [роман] / Франсуаза
Саган ; [пер. с фр. Л. Н. Ефимова]. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 176 с.

ISBN 978-5-699-56942-7 (Pocketbook)

ISBN 978-5-699-92772-2 (100 главных книг)

Каждый мужчина имеет право на маленькое приключение, но
женщинам этого не понять...

Каждая женщина имеет право на маленькое приключение, но
мужчинам этого не понять...

Любовный хоровод, в котором кружатся дамы из высшего
общества, богатые буржуа, куртизанки...

А цена каприза красивой женщины — всего лишь несколько
слезинок в красном вине.

Сборник новелл, написанных в лучших традициях француз-
ской галантной прозы.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-56942-7

ISBN 978-5-699-92772-2

© Л. Ефимов, перевод с французского, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

Моему другу Жан-Жаку Поверу

КОТ И КАЗИНО

Тщетно Анджела ди Стефано надрывала глотку, подзывая своего кота, красавца Филу, пропавшего с утра в улочках старой Ниццы. Было три часа дня, и, несмотря на сентябрь, еще стояла ужасная жара. Не в привычках Филу было забыть свою сиесту и родной квартал, какими бы привлекательными ни казались окрестные кошки, так что Анджела все больше и больше тревожилась за своего любимца. Ее муж, Джузеппе, ушел играть в шары, как и каждую субботу после полудня, а соседки предавались дреме на медных кроватях, за многоцветными знаменами вывешенных в окнах рубашек и носков. Из опасения потревожить их отдых Анджела не осмеливалась кричать слишком громко и потому бубнила «Филу, Филу» у каждой подворотни, придерживая наброшенную на голову из-за солнца шаль.

В свои тридцать два года Анджела ди Стефано была очень красивой, крепко сбитой женщиной яр-

ко выраженного латинского типа, хотя корсиканские предки наградили ее несколько замкнутым, а порой и суровым лицом, способным обескуражить возможных соперников Джузеппе. Впрочем, он и сам об этом знал и порой подшучивал над добродетелью жены — но так, что смеха это у Анджелы не вызывало.

Филу все не находилась, а ей меж тем надо было поспеть до четырех часов в банк, чтобы положить туда очередные пятьсот франков, потому что они решили купить дом в кредит, выплачивая взносы месяц за месяцем. Вчера Джузеппе, как хороший супруг, вручил ей свою получку, и она хотела как можно скорее избавиться от этой бумажки, добытой столь дорогой ценой. Вдруг ей показалось, что за стеной молнией промелькнуло что-то серое, и она крикнула: «Филу!», а потом толкнула калитку садика, окружавшего дом красотки Элены. Красотка Елена была их соседкой вот уже десять лет, и о ней немало судачили с тех пор, как она овдовела, правда, без малейших доказательств. Анджела сделала три шага на цыпочках, заметила на подоконнике насмешливого Филу и позвала его тихонько раз или два, прежде чем решила подойти поближе. Филу скосил на нее зеленые глаза и шмыгнул внутрь. Анджела инстинктивно толкнула ставень, чтобы его поймать, и тут увидела своего разлюбезного Джузеппе, спящего в объятиях Элены. Ее сердце беш-

но заколотилось, она попятилась и выскользнула за калитку в ужасе от мысли, что он мог ее увидеть.

Только на улице, по которой она шла куда-то широким шагом, ее удивление и ужас превратились в гнев. Ей надо было догадаться, даже Филу об этом знал... Вот куда Джузеппе частенько ходил играть в шары по субботам. Как давно? Она решила вернуться к своей матери, на родной остров, к порядочным людям. Измена — не для таких женщин, как она. Десять лет она занималась Джузеппе ди Стеффано, его домом, его вещами, его питанием и его постелью. Десять лет только и делала, что подчинялась ему и старалась угодить, а он лгал ей и ночью и днем, думая о другой!

Оказавшись на Английской набережной, куда никогда прежде не заходила, она продолжила идти все тем же решительным шагом, словно собиралась пересечь море посуху и добраться до дома своих родителей. Только свисток помешал ей попасть под машину. Внезапно обернувшись, она увидела, что стоит перед большим белым зданием с вывеской «Казино», где иностранцы вроде бы спускали свои состояния и куда даже мужчины из ее квартала заглядывали с большой опаской. Она увидела, как туда вошла светловолосая, заметно старше ее женщина в полотняных брюках. Увидела, как та чему-то посмеялась вместе со швейцаром и исчезла в полумраке. Было в этом полумраке, серо-бежевом по сравнению с раскаленным на солнце тротуаром,

что-то завораживающее, и Анджела тоже машинально поднялась по ступеням.

Она была одета скромно, но держалась осанисто. Швейцар без всяких шуточек направил ее к большому залу, где, тоже без шуток, какой-то человек в черном костюме с галстуком спросил у нее документы и осведомился, сколько жетонов ей угодно. Анджела была как во сне, и лишь несколько фильмов, виденных по телевизору, подсказали ей, как себя вести: ни разу в жизни она не рисковала даже одним франком в игре и не играла ни во что, кроме «крапетты».

Так что она степенно попросила жетонов на пятьсот франков и протянула красивую банкноту Джузеппе, получив взамен пять круглых смешных шуточек, которые ей, очевидно, следовало положить на зеленый стол чуть поодаль. Его уже окружали несколько задумчивых, истомленных жарой игроков, и ей удалось, не привлекая к себе внимания, понаблюдать за ними добрых десять минут, чтобы чему-нибудь научиться. Ее ладонь так стискивала фишки, что вспотела. Она в смущении переложила их в левую руку, вытерла правую и, воспользовавшись всеобщим затишьем и остановкой маленького, такого прыткого шарика, взяла одну из своих блестящих шуточек и твердо поставила на номер восемь. Собственно, она вышла замуж восьмого августа, в Ницце, и жила в доме № 8 по Малоконюшенной улице.

— Ставки сделаны, — сказал безразличный человек в вечернем костюме и снова запустил шарик, который начал бешено крутиться, а потом грациозно угодил в черную выемку, но слишком далеко, чтобы Анджела могла различить номер.

— Номер восемь! — выкрикнул человек устало. — Восемь: выигрыш на один номер*, — добавил он, бегло взглянув на стол.

Затем, оглядев игроков по кругу, выложил в ряд десяток других жетонов и придвинул к Анджеле. При этом назвал цифру, которая показалась ей астрономической, и уставился на нее вопрошающим взглядом.

— Восемь, — повторила Анджела твердо.

Она чувствовала себя хорошо. В нее словно вселился некий дух, словно какая-то неведомая тень направляла ее исподтишка; удивляло лишь то, что с глаз пропал этот образ — Джузеппе, спящий рядом с Эленой. Теперь она видела только маленький шарик, только его.

— Максимум две тысячи франков на один номер, — удивленно сказал крупье.

Не поняв, она кивнула вместо ответа, и крупье сдвинул кучку ее жетонов на восемь, вернув остальные, которые она машинально забрала.

* При игре в рулетку можно делать ставки на один, два и более номеров, на «красное», «черное», на целый ряд, на «чет», «нечет» и т. д. Но выигрыш на один номер — максимальный, как правило, тридцать пять к одному.

К столу теперь подошли другие люди и смотрели на нее с некоторым любопытством. Ни выражение лица, ни поведение не позволяли заподозрить в ней сумасшедшую, которая рискнула двумя тысячами франков, поставив их на простой номер в Летнем казино, в Ницце, в сентябре. После секундного колебания крупье крикнул: «Делайте ваши ставки!» Дама в брюках положила десять франков рядом со сверкающей грудой Анджелы, и шарик снова закрутился. Потом, издав нескольких разнообразных, не согласованных между собой звуков, замер. И настала тишина, сменившаяся потрясенным ропотом, от которого Анджела очнулась — поскольку закрыла глаза (но словно признавая сквозь сон только вину за свои отяжелевшие веки, а не за это потрясение).

— Восемь, — сказал крупье, уже не так весело, как ей показалось. Затем, повернувшись к Андже-ле, которая не дрогнула лицом и осталась столь же холодной, поклонился и объявил: — Мои поздравления, мадам. Мы вам должны шестьдесят шесть тысяч франков. Не угодно ли проследовать за мной?..

Ее окружили мужчины в черном — наполовину заискивающие, наполовину раздраженные — и отвели к другой стойке. Там другой человек, с бледными глазами, отсчитал ей жетоны, гораздо более крупные и более квадратные. Анджела ничего не говорила, в ушах у нее свистело, ей было трудно держаться прямо.

— Сколько тут? — спросила она, указав на безликие бляшки.

И когда человек сообщил ей: «Шестьдесят шесть тысяч франков, мадам, то есть шесть миллионов шестьсот тысяч в старых франках», она вытянула руку и оперлась о его ладонь. Он усадил ее весьма учтиво, заказал и поднес ей коньяк, все с той же чуть ледяной вежливостью.

— Могу я получить их наличными? — спросила Анджела, как только жар алкоголя вернул ее к пониманию ситуации.

— Разумеется, — сказал тот.

И, вновь погрузившись в свои ящики, достал оттуда гору банкнот — желтых, похожих на ту, что доверил ей этим утром Джузеппе; дошел в своей любезности даже до того, что помог записать деньги в сумочку.

— Не желаете ли сыграть еще, мадам? — спросил он, но без особой надежды, поскольку ему, разбивавшемуся в этом, было очевидно, что Анджела наверняка в первый и последний раз переступила порог казино. Она отказалась, мотнув головой, сказала: «Большое спасибо» — и вышла тем же быстрым и твердым шагом, который привел ее сюда.

Стоило выйти наружу, как солнце вернуло ее к действительности. Она вновь узнала море, Английскую набережную, машины, старые пальмы и, вспомнив, что ей изменили, села в первом же попавшемся близ казино кафе (впрочем, одна в ка-

фе Андже́ла ди Стефа́но тоже оказалась впервые). Поставила свою сумочку меж крепко сжатых ног и заказала малиновое мороженое у официанта с тусклым голосом. Тут она принялась размышлять. Какой-то низенький желтый человечек в бежевом, следовавший за ней от самого казино, попытался завязать с ней разговор и угостить сигаретой, но она отогнала его без единого слова настолько красноречивым жестом, что этот паразит, хоть и пресыщенный игорными залами и одинокими дамочками, на сей раз почувствовал себя вдруг совершенно униженным: упорствовать было ни к чему.

Так что он ушел, и Андже́ла, предоставленная наконец самой себе и своим думам, изучила один за другим три-четыре плана, которые казались ей логичными.

Первый состоял в том, чтобы как можно скорее положить эти желтые банкноты в банк, но это был банк Джузеппе, а от Джузеппе, который ей изменил, она должна уйти.

Второй план состоял в том, чтобы зафрахтовать в порту какое-нибудь судно или лодку и отправить-ся прямо к родителям.

Третий состоял в том, чтобы взять такси (как в романах), заехать домой за Филу и своим чемоданом и оставить Джузеппе пятьсот франков вместе с душераздирающей запиской. Потом в порт... и так далее.

Четвертый казался романтичнее: накупив в магазине тонких, как паутина, платьев из красного шелка, великолепных драгоценностей, нанять коляску и вернуться домой вскачь, на глазах оторопевших соседок, разбрасывая конфеты детям на всем пути. Или же найти двух гангстеров — должны же они тут водиться, — чтобы они отделали хорошенько красотку Элену. Или же, наняв машину с шофером в серой ливрее, отправить его к себе домой на Малоконюшенную улицу с запиской для соседки, чтобы та передала ему Филу и ее вещи.

От всех этих возможностей у Анджелы кружилась голова, да и коньяк плохо сочетался с малиновым мороженым. Ее мутило. Вдобавок жизнь так давно не предоставляла ей никаких возможностей. Она так давно точно знала, что ее ждет в следующие полчаса — и через неделю, и даже через год, — что ей вообще не приходилось ничего выбирать, а потому это внезапное, непредвиденное «Джузеппе в объятиях Элены» становилось, если подумать, почти успокаивающим, поскольку уже случилось, реально существовало, и с этим она ничего не могла поделать. Ошибкой и ужасом были как раз все эти возможности, напиханные в сумку у ее ног.

Анджела знала, что, если бы не набитая желтыми бумажками сумка, она вернулась бы домой. Наорала бы на Джузеппе, осыпала оскорблениями, пригрозила бросить его, а может, и впрямь бросила бы на какое-то время, пока он, совершенно сокру-